

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ А, НО, И: ИСТОРИЯ, СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

1. Несмотря на довольно значительную литературу, посвященную этим трем русским сочинительным союзам, потребность обращаться к их “функциональной” разгадке возникает вновь и вновь – очевидно потому, что привычные для семантика-лексиколога методы и решения здесь оказываются неприменимы, хотя они *должны быть применимы*, ибо этого требует наша речь как наша сущность. Говоря более просто, вопросы предстают следующие:

- 1) можем ли мы говорить о полном несовпадении функциональной семантики этих союзов?
- 2) можем ли мы, напротив, говорить о полной функциональной взаимозаменяемости этих союзов?
- 3) можем ли мы говорить о каких-то частичных зонах их функционального пересечения?
- 4) в этом последнем случае идет ли речь о полной синонимической замене или только об отсутствии *нарушения смысла* при замене?
- 5) накладываются ли на сферы употребления этих союзов различия *стилистические* или, скажем иначе, различия разных речевых традиций?
- 6) различается ли интонация предложений с этими союзами и сохраняется ли это различие при возможном функциональном сближении этих союзов?
- 7) как влияет на указанные сходства/различия дополнительный компонент (компоненты) местоименного или партикульного характера типа *то, зато, ведь, вот* и под.?
- 8) как отделить то, что привносят эти компоненты, от функциональной семантики союза?
- 9) какова роль порядка слов и тема-рематического членения в выявленных сходствах и различиях?
- 10) влияет ли на функционирование этих союзов *графика*, то есть: располагаются ли они после точки или после “внутреннего” знака?

или (если перевернуть вопрос), в каких случаях пишущий ставит точку или даже знак абзаца, а в каких запятуе?

11) как быть – а именно эта задача встала перед нами – если в другом языке этим трем союзам функционально соответствует другое число единиц (например, два союза или четыре?)

12) как быть, если окажутся непереводаемыми не единицы языков, а метаединицы лингвистического описания (об этом будет сказано ниже в связи с русским словом *сопоставление*).

Постараемся постепенно и по мере возможности репрезентировать свои точки зрения по каждому из указанных выше вопросов.

I. Индоевропейская предыстория А, И, НО.

Обратиться к этой предыстории необходимо потому, что у соединительных компонентов И, А, НО, которым в древности целесообразно не давать метаквалификаций ни как союзов, ни как частиц, ни как междометий на глубинном семантическом уровне, древняя фаза функционирования не “отпала” при позднейшей эволюции, но продолжает оставаться неким тeneвым фоновым семантическим “субстратом”.

Для лучшего понимания сути этого тeneвого субстрата обратимся к реконструируемым древнейшим типам соединительной связи в индоевропейском.

Реконструируются две формулы соединения предложений в индоевропейских языках древнейшего состояния. Обе они выводятся из бессоюзного соединения с последующей грамматикализацией входящих в соединяемые предложения частицеобразных дискурсивных элементов.

1) Согласно первой формульной структуре, в начале предложения располагается комплекс клитик, изоморфный дальнейшей грамматической модели из полнозначных слов. Этот комплекс как бы “навешивается” на абсолютно первую, инициальную, единицу-частицу: **nu//*no*; **t^ho*; **so*; **e/*o* (см. об этом: [Гамкрелидзе–Иванов1984, с. 359]).

Нам наиболее была интересна частица **nu//*no*, названная ими как абсолютно инициальная.

В.В.Иванов и Т.В.Гамкрелидзе сопоставляют эту частицу в более поздних языках с др.-ирл. **no*, литовским *ni-*, тохарским *ne*; славянским **nǐ*; ст.-сл. *nǐ*; русским *no*. Такую же этимологию для

русского *но* предлагает М. Фасмер [Фасмер Т. 3, с. 77]. *Но* связывается с русским *ныне* и его аналогами в древних языках.

Таким образом, *ni-* являлось неким начинательным элементом с не очень четким значением.

См. примеры из хеттского текста, приводимые В. В. Ивановым и Т. В. Гамкрелидзе (Указ. соч., с. 336):

ni-uš-ša-an A.NA. *Ma-ad-du-ua-at-ta še-er za-aḫ-ḫ[i]-ir* ('и они сражались за Мадуватту'); *ni-uš-ta-aš-kán* ^{LU}IGI. NU.GÁL. ^{LU}U.ḪUB *pí-ra-an ar-ḫa[ré]-ḫu-da-an-zi* ('и они ведут слепого и глухого перед собой'). Существенно и важно, что *ni-* всюду переводится В. В. Ивановым и Т. В. Гамкрелидзе как 'и'.

2) Другая модель соединения предложений в индоевропейском строилась так, что из начального, также бессоюзного, примыкания возникал тип присоединения предложения на базе "частиц", в своей первоначальной функции подчеркивающих и выделяющих какое-то одно начальное полнозначное слово. Таковы греческие частицы *δέ*, *γέ* и сходные с ними по функции (см. [Мейе 1938, с. 375]). Ср. в этой функции, например, русское *же*: *Я его уговаривал смириться. Он же ни в какую не соглашался.*

Итак, *но* возводится к **ni-*, т. е. коннектору-актуализатору, передающему нечто актуальное и существенное (семантика типа 'вот – здесь – сейчас'). Этот компонент есть в *ныне* 'теперь'.

Более дискуссионна этимология двух других рассматриваемых союзов – *И* и *А*. С их возможной этимологизацией связаны две принципиально различные тенденции представления языковой истории. Согласно одной из них, минимальные дискурсивные единицы, существующие в современных языках и имеющие достаточно прозрачную фонетическую структуру типа *V*, *CV*, непременно образом должны возводиться к более древним и обязательно "застывшим" формам. Так, *А* (*a) возводят к падежной форме местоименной основы индоевропейского **e/o*, т. е. *a < *ēd/*ōd – к аблативу единственного числа местоимения (см. разные точки зрения в Этимологическом словаре славянских языков [ЭССЯ, вып. 1, с. 34]). *И* (*i) возводится к индоевропейскому **ei-*, первоначально форме местного падежа единственного числа от указательного местоимения *e [ЭССЯ, вып. 8, с. 167].

Возражения против подобного подхода уже были выдвинуты в книге "Функции частиц в высказывании" [Николаева 1985, с. 17];

они опирались на эволюционную аксиоматику языкового развития: ведь странно представить, что до сих пор семантически диффузные, минимизированные фонетически, слова коммуникативно-модального пласта могут появиться как вторичные элементы, а перед ними в глубокой истории мог существовать язык с мощно морфологизированной системой местоимений, причем местоимений дейктических (то есть текстовая грамматика была уже очень развита! включая тем самым и анафорические функции), но у такого языка не было ни частиц, ни союзов.

Таким образом мы склоняемся к идее первичности И и А с допущениями фонетических преобразований в диахронии. Такая точка зрения обсуждается в ЭССЯ; см. концепцию, по которой все случаи славянского А характеризуются, как "первоначально, вероятно, междометия" [ЭССЯ, вып. 1, с. 35].

II. А, И, НО в славянских языках.

Эти союзы-частицы известны в настоящее время *всем* славянским языкам и соответственно всем славянским диалектам (но в разной степени и функции; см. об этом далее). Однако их изучение и сопоставление их функционирования оказывается часто принципиально некорректным без учета ряда обстоятельств. А именно – в пределах славянского континуума кодификаторский процесс формирующихся славянских литературных языков происходил в разные хронологические эпохи и происходил по-разному. Поэтому функциональный компонент, в одном языке реализующийся как факт литературного употребления, в другом языке, даже очень близком генетически, может быть диалектным феноменом, а в третьем языке той же группы – характеризовать просторечие и т. д. Наконец, явления современного употребления в одном языке могут соответствовать более раннему или даже древнему засвидетельствованному состоянию в другом языке.

Все эти указанные особенности лингвогеографической дистрибуции употребления частиц в общеславянском континууме легко прослеживаются по данным "Этимологического словаря славянских служебных слов и местоимений" (Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. 2. Praha, 1980 [Etymologický slovník 1980]).

Так, партикуле А приписываются там свойства и междометия, и союза. Например, для А:

А. Функция междометия и “модальной” частицы; переход к функции союза:

слвц. *A, náš Zachara bude mat' nové šaty!*

мак. *A, што била работата!*

чешск. *A, zvolal pan NN.*

русск. *Дедушка, а, дедушка, иди обедать!*

Авторы считают также употребление А в некоторой начинательной функции ослабленным междометием, чем-то вроде “приступа”:

старопольск. *A gdzie jest mój syn wybrany?*

русск. *А я и не купаюсь никогда!*

укр. *А иди ты до діда!*

болг. *А махай се от тука!* и т. д.

Переход к значению чисто союзному авторы видят в семантике конструкций гипотетических, вопросительных, декларативных, уступительных.

В. Функции союза:

а) адверсативная (мы приводим по одному примеру на каждый категориальный тип):

стчешск. *Svět nedrží boha, a bůh svět drží.*

б) адъюнктивная (присоединительная):

болг. *Много яде, а пак малко придава.*

bb) аддитивная и континуальная:

ст.-сл. *ово паде при пжти а дроуток на камене.*

bbb) копулятивное А; норма в чешском, словацком, лужицком; реже в диалектах белорусского и украинского; мы приводим пример из древнерусского:

Слово отъ рыдания а слезъ его скрatchesя гласъ его.

bc) функция градации:

чешск. *byl to úspěch, a velký!*

Партикуле-коннектору И также приписываются свойства быть и междометием, и союзом:

А. Междометие:

болг. *И, колко хубаве кашта!*

Ослабленное междометие:

чешск. *I je, to jsem rád.*

АВ. Частица со значением градации:

ст.-сл. *идеже во есть съкровнице ваше . тоу и срьдце ваше вждеть.*

Возможна семантика более сложной градации:
польск. *Kochan i słuchać o tym nie chce.*

Возможно И с уступительным значением:
чешск. *i při špatném osvětlení by pracoval!*

В. И союз:

1) присоединительный:

слвц. *I prelietla jej mysl'ou celá minulosť.*

2) континуальный:

сербохорв. *Приде му лист и ноће га читати.*

3) уступительно-конклюдивный:

стешск. *Jene, tys mój priateľ zvláštný, i budeš apostol v nebi zácny.*

4) противопоставительный:

ст.-сл. *азъ же ксмъ чрьвь и не чловѣкъ.*

5) копулятивный:

польск. *walka na śmierć i życie* и т. д.

Партикула НО в “Этимологическом словаре” квалифицируется как инициальное междометие, не возникшее из НЪ в отличие от союза НО (т. е. иная точка зрения, чем в ЭССЯ, см. выше). В функции междометия оно, по данным пражского издания, функционирует во всех славянских языках, кроме русского, белорусского, македонского и болгарского. Однако авторы приводят пример междометия НО с адверсативным значением [Etymologický slovník 1980, с. 502], которое, даже по их мнению, вполне соотносимо по семантике с союзом НО. Это явление они объясняют русским влиянием. Например, слвц. *Jaz sem hotel, no ti ne;* сербохорв. *благо није ни сребро ни злато, но је благо, што је срицу драго* и т. д.

Союз же НЪ авторы словаря соотносят с индоевропейским *na, no, no/ni* (см. об этом выше) и тем самым с греческими *vú > vûv* и ст.-сл. *нѣне*.

Таким образом, на употребление и трактовку семантики русских союзов И, НО, А влияет весь комплекс семантики славянского континуума с далеко расходящимся по языкам спектром отдельных значений и их вариантов.

Диффузность значений трех указанных союзов дополняется – при внимательном к ним подходе – наличием зон пересечений их семантики, настолько очевидных и обширных, что практически (в пределах славянского континуума) можно говорить о совпадении

всех значений этих слов (т. е. речь идет о зонах их синонимии). Примеры подобных совпадений были показаны в книге Т. М. Николаевой "Функции частиц в высказывании" (М., 1985). Приведем отсюда некоторые примеры:

А равно И: бел. *Цимох а Хомка пойдучь на работу.*

А равно НО: болг. *Не живеем за да ядем, а ядем за да живеем.*

И равно НО: ст.-сл. *рѣхъ вамъ юже и не слышасте.*

НО равно И: сербохорв. *Пошто су се напојили вина, но да рече.*

Итак, при анализе этих трех избранных нами союзов дополнительную сложность представляет *близость их инвариантной семантики*, наличие в их дополнительных значениях зон пересечений.

III. Древнерусские стилевые традиции.

Третью по числу исследовательскую трудность представляет – здесь речь идет о союзах И и А – совмещение в одном языке разных традиций употребления инициальных элементов предложения. А именно: для собственно книжной традиции, восходящей к старославянским, а через них и к греческим текстам, характерно начало на И, которое для греческих текстов соотносится с тем, что именуется *каі-стиль*. Для старорусского же некнижного языка, как, в частности, показывают работы А. А. Зализняка о новгородском диалекте, начинательным союзом является А, а не И. Говоря о *базисе* предложения, к которому присоединяется цепочка энклитик, в качестве такого базиса А. А. Зализняк называет проклитики *а, ци, не, а ци* (А. А. Зализняк, В. Л. Янин. Новгородские грамоты на бересте. М., 1993). См. некоторые взятые отсюда наудачу ряды примеров:

а ныне сѧ дружина по ма пороучила (109);

а чемоу сѧ гнѣзаети? а тебе сѧ кланѧю (175);

а Повъжи оу Твѣрдаѣ (672);

а то сѧ вѣдаю (616);

а что сѧ подите на Мовозери (141);

а ѧо сѧ саме с нимо вѣдаю (142) и т. д. [Зализняк–Янин 1993 с. 295].

Важным для нас является замечание А. А. Зализняка о том, что круг проклитико-энклитических сочетаний с А в древнерусском языке сузился: *а ли, а бы, а ти, а бо*. Кроме того, эти парные

комплексы обнаруживают тенденцию к превращению в целостные слова, к сращению: *а-ли>али; а-бы>абы*.

В своей последней монографии “Древненовгородский диалект” (М., 1995) А. А. Зализняк резюмирует рассмотренные в предыдущих книгах древненовгородские данные. Он пишет: “Как известно, в древнерусском, в отличие от современного русского, в сложно-подчиненном предложении главное предложение могло соединяться с препозитивным придаточным (относительным, условным или обстоятельственным) с помощью сочинительного союза” [Зализняк 1995, с. 173]. Эти функции в берестяных грамотах XI–XIII вв. выполнял как правило союз А: *а ци цето ти товара надобе, а то воссолю* (624); *али чимо есемо виновата, а восоли отроко* (644). С начала XIV в. в предложениях такой структуры появляется союз И. Первые примеры такого употребления А. А. Зализняк видит в грамоте № 142 (начало XIV в.): *а четъ амьштъ пришло, и вы имъ кьне мзи голубыи дайте...; а не възме, и вы во стадь пустите*. В XIV–XV вв. основной становится конструкция с И, а конструкция с А почти исчезает [Зализняк 1995, с. 174].

Специальное исследование способов соединения предложений в книжном варианте древнерусского языка XI–XVII вв. проделано М. Н. Преображенской и Р. Б. Кершиене (см. сборник: “Структура предложения в истории восточнославянских языков”. М., 1983).

Самым характерным текстовым средством связи в древнерусском языке они считают способ *цепочечного нанизывания*, осуществляемый через И, ДА, А и ЖЕ.

При этом начинательные цепочечные союзы совпадают с сочинительными союзами в собственном смысле слова. Для наших же задач важно их наблюдение о том, что “историкам языка не удалось обнаружить каких-либо явных закономерностей в выборе того или иного начинательного союза в текстах. Даже в пределах одного и того же произведения наблюдаются колебания в использовании того или иного начинательного союза” [Структура предложения 1983, с. 109]. Отмечается только то, что союз И, скорее, встречается в повествовательных текстах, а А в деловых.

Вот, в частности, отрывок из “Повести временных лет”, приведенный ими в качестве примера цепочечного нанизывания на И:
и исполшилася русь и бысть съча велика... и одолѣ Святославъ. и

бѣжаша грѣци. и поиде Святославъ ко граду воюя и грады разбивая... (Лет. Лавр. л. 21 об.).

А вот приведенный этими же авторами пример цепочечного называния с А:

А которому посаднику стѣсти на посадниство,... а городскими кунами не корыстоватисѧ, а судомъ не мститисѣ ни на когож. а судомъ не тчитисѧ, а праваго не погубити, и виноватого не жаловати, а безъ исправы челоувѣка не погубити ни на суду на вѣчи. А князь и посадникъ на вѣчи суду не судяють... А не всудяють вправду ино богъ буди имъ судіа во второмъ пришествіи Христовѣ. А таинныхъ посуловъ не имати ни князю, ни посаднику... (Псковская судная грамота XV в.).

Говоря о бинарных объединениях, где указанные лексемы несомненно имеют союзное значение, М. Н. Преображенская и Р. Б. Кершиене считают, что “будучи многозначными и полифункциональными, все сочинительные союзы обладают общей синтаксической функцией – функцией соединения в самом широком и отвлеченном смысле” [Структура предложения 1983, с. 144].

Итак, существенны для наших задач следующие особенности древнерусского синтаксиса:

1) В значении **противопоставления И** может быть синонимично А: *Богъ ея любить і дѣволъ ізсилъь всякою неправдою; Я к милости твоеи ястреба приносилъ и ты его не взялъ.*

2) Конструкции с **НО** в памятниках XI–XVII вв. с семантикой противопоставления отмечены только при употреблении в первой части **НЕ**:

а черные люди къ сотникомъ, тихъ ни въ службу не приимати, но блюсти ны ихъ съ одного; И не бѣ од нихъ црѧ, но архиерѣи владахо ими [Структура предложения 1983, с. 161].

Таким образом, в свете данных всего предшествующего периода (от индоевропейского к общеславянскому и древнерусскому) возможность четкого анализа семантики союзов А, И, НО в современном русском языке затрудняется следующими факторами:

- 1) сложностью таксономического различения начинательных, цепочечных единиц и собственно союзов;
- 2) пересечением семантических зон у этих союзов; близостью их попарной семантики;

3) наличием в общеславянском континууме широких функциональных полей диффузного употребления этих союзов с пересечениями самыми разными – от близких по смыслу до функционально противоположных;

4) сохранением в литературном русском языке двух традиций: книжной, повествовательной, тяготеющей к И, и собственно русской, субстратной, тяготеющей к А. При этом даже для носителей литературного языка принципы выбора между ними не всегда осознаны.

IV. Сочинительные союзы на улицах современной Москвы.

Сказанное выше как будто бы относилось к истории и предыстории русских сочинительных союзов. Но это не совсем так: те же таксономические трудности обнаруживаются и при анализе самых современных данных – разговорных текстов, записанных в 90-е гг. нашего века на улицах и в домах Москвы (в основном мы использовали данные, приведенные М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой в их книге “Русский речевой портрет. Фонохрестоматия”. М., 1995).

Эти данные в обобщенном виде можно представить в следующей иерархии:

1. Доминирует в современной разговорной речи А – понимать ли ее как начинательную частицу, “приступ” или как соединительный союз. Более того, А начинательное, абсолютно инициальное, является, на наш взгляд, неким особым коммуникативным приемом, приемом “интимизации”, подчеркнутого включения в чужую среду как в свою, с установкой быть (и/или стать) своим:

А. А сколько этот пирог/ если завесить? (1)

Б. Рублей на двенадцать//

А. А с чем? Будьте добреньки//

Ж. А сырковой массы больше нет?

П. Кто сказал?

Ж. А я не видела// (2).

А. А это что за банки?

Б. Это гуманитарная помощь// Они сначала наворовали/ а потом остатки в продажу пустили/

2. Потребность к интимизации, к сближению в толпе, распространяется в речи не только на инициатора, автора абсолютно первой реплики, но и на лиц, отвечающих ему. Таким образом, появляются “серийные” А в диалогах и полилогах:

(1) А. А Вы почему здесь стоите?

Б. А женщина отошла и очередь мне свою уступила//

(2) А что/ здесь только приезжий народ? Аборигенов здесь нет?

А Вы поубавьте спеси-то! Какие они Вам аборигены? это сельчане// (этот пример взят из книги “Русский язык. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993).

(3) А – А зачем вы вооруженные пришли сюда?

– А у вас че ж там это/ машины?

Б. А вон машины с ящиками стоят!

А. – А вам не кажется/ что эти ящики тоже пустые?

О. – А вы кого защищаете?

V. Роль графики в формальной структуре предложений с сочинительными союзами.

От инициальных А, сказанных в уличном диалоге, можно перейти к противоположному по “отработанности” компоненту изучаемого материала: к различению связки предложений, в которых сочинительный союз находится после запятой (или изофункционального знака) и пишется с маленькой буквы (такие союзы мы с И. Фужерон назвали “внутренними”), и связки предложений, разделенных точкой (или изофункциональным знаком), внутри которой союз пишется с большой буквы; особый случай составляют сочинительные союзы после знака “абзаца”. Такие союзы мы назвали “внешними”.

Например, в приводимой ниже последовательности двух предложений первый союз **НО** будет “внутренним”, а второй – “внешним”:
*Жучка, видя такую измену, подымает отчаянный визг, **но** этот визг только побуждает Тему быстрее подниматься.*

***Но** подниматься трудней, чем спускаться! Нужен воздух, нужны силы, а того и другого у Темы уже мало (Н. Гарин-Михайловский. Тема и Жучка).*

Материалом (точнее, одним из материалов) для определения различия в частоте употребления, структуре и грамматико-

семантических особенностях внешних и внутренних сочинительных союзов послужил сборник рассказов русских писателей XX в. "Мои собачьи мысли" (М., "Детская литература", 1994). В сборнике помещены рассказы и новеллы о собаках А. Чехова, Н. Гарина-Михайловского, А. Куприна, Л. Андреева, Саши Черного, И. Шмелева, М. Пришвина, Ю. Казакова.

Приведем полученные нами данные для союза **НО**. Речь пойдет о следующих характеристиках:

- 1) отношение числа внешних союзов к внутренним;
- 2) возможность опустить союз без значительного ущерба для передаваемого смысла;
- 3) наличие негации (явной или имплицитной) в соединяемых предложениях;
- 4) наличие семантики уступительности (например, *Она перебежала дорогу к тому месту, где оставила хозяина, но – увы! столяра уже там не было*);
- 5) согласование обоих соединяемых предложений по виду (например, с о г л а с о в а н и е: *Каштанка взвизгнула от восторга, но в это время старик кот зевнул и, потеряв равновесие, свалился с гуся*; несогласование: *В первые дни знакомства Каштанка думала, что... он умен, но прошло немного времени, и она потеряла к нему всякое уважение*);
- 6) согласование соединяемых предложений по времени (с о г л а с о в а н и е: *С улицы послышался лай, и она хотела ответить на него, но вдруг неожиданно ею овладела грусть*. Несогласование: *А ведь пьесы были хорошие, модные, но только нынешние господа нашей музыки совсем не обожают*).

Представим (в процентах) полученные результаты:

	Внешние	Внутренние
1. Согласование по виду	44	71
2. Согласование по времени	66	89
3. Возможность опустить союз	35	55
4. Наличие "уступительности"	14	48
5. Наличие негации	48	48
6. Процент употребительности было целесообразно рассмотреть по каждому из писателей отдельно, чтобы проверить гипотезу об изменении-неизменении НО на протяжении XX в. Цифры (в процентах) отношения числа внешних союзов к внутренним		

получились следующими:

А. Чехов – 38,6

Н. Гарин-Михайловский – 23,5

А. Куприн 1 – 66,6

А. Куприн 2 – 1,69 (было два рассказа А. Куприна)

Л. Андреев – 1,63

Саша Черный – 1,85

И. Шмелев – 2,06

М. Пришвин – 0,94

Ю. Казаков – 1,06.

Интерпретировать полученные данные единообразно оказалось пока сложным.

Относительно других показателей необходимо отметить равновесие показателей негации – по 48 процентов в обеих группах; это заставляет вновь обратиться к данным древнерусского языка, когда, по наблюдениям М. Преображенской и Р. Кершиене (см. выше), союз **НО** обязательно требовал негации.

Итак, можно себе представить нечто вроде “портрета” внешнего и внутреннего **НО**.

А именно – для внешнего **НО** характерно в большей степени рассогласование видов и рассогласование времен в соединяемых предложениях, чем для внутреннего **НО**. Однако возможность рассогласования по виду оказывается более допустимой (или более “легкой”), чем рассогласование по времени. Для внешнего **НО** менее характерно наличие семантики уступительности, оно скорее как бы “обрывает” действительность, а уступительность делает все предложение более гипотетичным. Внешнее **НО** скорее можно опустить, хотя часть смысла при этом и будет утрачена:

Арто! Ар-то-шенька! – жалобно завыл старик.

(Но) вдруг он остановился, нагнулся низко к дороге и присел на корточки.

VI. Основные значения сочинительных союзов **НО, **А**, **И**.**

Союз **НО.**

1. В лингвистической литературе, посвященной союзу **НО** и его основному значению, часто употребляется термин “**обманутое ожидание**” (см., например, то же об английском *but*). В широком смысле слова речь, очевидно, идет о прерванности некоего события, не приведшего таким образом к “ожидаемым” результатам.

Однако более внимательный анализ примеров на “обманутое ожидание” показывает, что мы здесь имеем дело по крайней мере с тремя разными видами сопрягаемой через союз семантики.

Во-первых, “обманутое ожидание” может не выходить содержательно за пределы текста, как бы оставаться в *его* содержательном мире.

В этом случае имеет смысл разделять:

1) “обманутое ожидание” героя, когда читатель не вовлечен в действие. Например, *Она была уверена, что у нее это получится лучше, чем у других, именно потому, что она бы участвовала в покупке, а не стояла столбом, глядя мимо покупателя вдаль.*

Но продавать ей, увы! не давали. Даже электромелочи. (Н. Баранская). В этом примере дополнительной семантической строки из общего для всех носителей языка фонового фонда не возникает.

2) “обманутое ожидание” относится и к читателю текста. – *Расскажите из Гайдара. Нет, случаи из жизни. Давайте смешное – про двенадцать стульев.*

Но Катя стала рассказывать про войну (Н. Баранская). *Новый год принес магазину премию: перевыполнили план продажи холодильников и ламп.*

Но Лушку Новый год не одарил ничем (Н. Баранская). Можно предположить, что именно Лушка ждала премии; нет, за нее ждал читатель.

3) “обманутым ожиданием” называют в лингвистической литературе и иное явление – когда действие не может состояться (или состоится что-то иное) по общим законам, выраженным в пресуппозиции, то есть общем фонде знаний. Например,

Любке захотелось плакать. Но она сидела у всех на виду на высоком месте под ярким светом (Н. Баранская). За этим стоит общее положение: неприятно и неудобно плакать у всех на виду.

Рано утром, когда Таля только начинает просыпаться, мама уходит на работу. Она фельдшерица на медпункте большого завода. Но, кроме работы, у нее еще куча всяких дел и нагрузок (Н. Баранская). Здесь подразумевается: “Такой большой трудовой нагрузки для женщины-матери как будто бы и так достаточно”.

См. и другие примеры на пресуппозицию:

Руки у нее толстые, как итальянская колбаса, но в общем она миленькая (Саша Черный). Фондовая строка: Такие толстые руки

портят женщину.

Общее перечеркивание действия, которое мотивируется через НО, может объясняться и действием всего текста:

Тема ничего не замечает, но вдруг его глаза случайно падают на кладбищенскую стену, и Тема замирает на месте (Н. Гарин-Михайловский), и некими общими законами человеческого существования и устройства мира.

В некоторых случаях это строго различить трудно:

У него тоже открылись глаза, но ему никогда не суждено было увидеть (Ю. Казаков). Здесь и читатель ждет, что щенок Арктур будет видеть, и его хозяин этого ждет, а строится это на том, что когда у щенка открываются глаза, он должен уже быть зрячим.

2. Вторым крупным значением НО можно считать значение “контраста”:

Клавдию Ивановну это смущало, но Славе туфли очень понравились, она упростила их купить (Н. Баранская).

Он два раза пытался ретироваться с честью, но проклятый мопс нападал с остервенением (Саша Черный).

Значение контраста обычно коррелирует с синтаксической структурой обоих соединяемых предложений, где члены под оппозицией как правило выполняют одну синтаксическую функцию: *Клавдия Ивановна – Слава; Он – мопс* (правда, в первом примере есть объясняющееся глагольным управлением расхождение по падежу).

3. Третьим крупным значением для НО можно считать значение “уступительности”, то есть включение семантики “хотя”:

Мой легавый щенок называется Роман, но я больше зову его Ромой, или просто Ромкой (М. Пришвин).

Придут другие, но этих не будет (Ю. Казаков).

Гусь не кричал, но ей опять стало чудиться, что в потемках стоит кто-то чужой (А. Чехов).

Однако, необходимо признать существование некоторой инвариантности союзного значения для НО. Поэтому в каждом из приведенных примеров сосуществуют все три значения, перечисленные нами выше.

Например, 1) читатель может предположить и о ж и д а т ь, что щенка будут называть полным именем Роман.

2) щенков обычно (?) не называют сокращенным именем человека.

3) здесь возникает контраст имен: Роман – Ромка.

Или: (*Хотя гусь не кричал...* представлена уступительность, но есть и ожидание – при молчащем гусе она должна успокоиться и заснуть. Есть и общая пресуппозиция – в тишине заснуть легче!

Таким образом, всю сумму значений НО можно представить себе в виде некоего спектра, где значения переходят друг в друга, выявляясь каждое по принципу: **больше– меньше**. В целом же НО в дискурсе необходимо квалифицировать как прекращение действия (реального или ожидаемого) с экспликацией этого прекращения – как явной, данной в тексте, так и имплицитно мотивированной (пресуппозиция).

Союз А.

1. Основным значением союза А мы считаем “**сопоставление**”¹. Сопоставление – это соединение через равноправное рассмотрение двух компонентов, не сливающихся при этом в единую картину-кадр. Например,

Фрейлейн поминутно отзывает девчушек, а мамаша с лорнетом кличет испуганно Вилли (Саша Черный). В этом случае сопоставляются две пропозиции. В приведенном примере актанты разные и действия разные. Однако эти действия и актанты могут входить в поле некоторого гиперсостояния, например, может сообщаться об одном существе:

Его голубые глаза щурились от жары и глядели умильно, а высунутый длинный язык вздрагивал от частого дыхания (М. Пришвин).

Наконец, сопоставляемые пропозиции могут принадлежать одному хронотопу, то есть объединяться единством места и времени, в пределах которых пропозиции сопоставляются.

Ствол у нее мохнатый, на манер войлока, а каждый лист такой большой, что нам с тобой обоим укрыться впору (А. Куприн).

На дороге в белой пыли валялся довольно большой недоодеженный огрызок колбасы, а рядом с ним во всех направлениях отпечатались следы собачьих лап (А. Куприн).

Его глаза упорно смотрели вниз на дорогу, а тонкие брови сердито сдвинулись к переносью (А. Куприн). Во всех этих примерах есть локализатор-обобщение: *у нее; на дороге; его глаза*.

Возможно и другое семантическое “направление” связи предложений с А, когда глаголы-сказуемые передают последовательные

¹ Точка зрения, выработанная совместно с И. Фужерон.

действия и их сопоставление происходит таким образом при изменяющейся временной оси:

Этого прикосновения было достаточно, чтобы петля бесполезно соскочила, а Жучка, потеряв равновесие, свалилась в грязь (Н. Гарин-Михайловский).

Вижу, как из травы то тут, то там, как горлышко бутылки, высунется ее шея, а за ней везде шевелит траву и весь ее выводок (М. Пришвин). Здесь, благодаря глагольной семантике, сочетается сопоставление, сосуществование (во взгляде смотрящего) и последовательность действий лиц.

2. Второе значение А – это значение “контраста”. Сопоставляются актанты “на равных”:

Вода замерзает зимой, а я каждое утро (Саша Черный).

Все затыкают уши, а я не могу (Саша Черный).

Ей дано искать, а мы будем чай пить (М. Пришвин).

В соединяемых предложениях такого типа контрастными оказываются: *Вода – Я; Все – Я; Ей – Мы* и т. д. Большую роль в выражении контраста и его подвидов в таких предложениях играет интонация.

3. Третьим типом значения для А можно считать “обманутое ожидание”. Например,

Дрожу, дрожу, а толку мало (Саша Черный).

Потом запряг меня в автомобиль, а я уперся (Саша Черный).

Очевидно, что песик рассчитывал согреться; на нем предполагали покататься, как на лошади, и под.

4. Через союз А передается и значение “уступительности” (хотя во всех примерах в нашем материале в аналогичных случаях имелось некое околосоюзное добавление типа *хотя, ведь* и т. д.):

Это первые в мире собачьи стихи, а ведь я не учился ни в гимназии, ни в цехе поэтов (Саша Черный).

Я хоть плавать умею, а они что будут делать в своих ботинках и чулках, если дом перевернется? (Саша Черный).

Союз И.

1. Основным значением союза И можно считать передачу одного большого события как цельного через дополнительное его разбиение на сосуществующие пропозиции.

1) частным и частым случаем такого представления событий можно полагать *одновременность* происходящих действий (ситуаций).

Например,
На террасе было пусто, и только платок матери одиноко валялся, забытый на скамейке (Л. Андреев);
Небо качается, улица качается, и наш пол качается (Саша Черный);
Люди спали, были беспомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила их (Л. Андреев);

2) при изменении семантики глаголов-сказуемых в пропозициях представляемое большое событие может выглядеть, как протекающее во времени, т. е. осуществляется *последовательность* более drobных событий:

Это успокаивает его, и он спускается дальше (Н. Гарин-Михайловский);

Махну рукой по всему горизонту, и Лада летит, расширяя круги все дальше и дальше (М. Пришвин);

Свечерело, я выстрелил по мелькнувшей в кустах тени, промахнулся, и лиса пошла наутек, и за ней, удаляясь в прямом направлении и постепенно затихая, понесся и Соловей (М. Пришвин).

Как видно из приведенных примеров, статичность состояния или изменение состояния зависят от семантики глаголов; более того, возможно, “развитие событий” могут передать только глаголы в их последовательности. Вспомним *Veni, vidi, vici*. Эта иконичность расположения глаголов-сказуемых при И может обозначать не только последовательность событий, но и их причинную взаимозависимость. Например,

Но раньше какой-то негодяй прошел в новых резиновых калошах, и теперь все тонкие запахи мешались с острой каучуковой вонью (А. Чехов). (Необходимо отметить в этом примере последовательность *раньше – теперь*);

От этого стопа сердце Темы мучительно сжалось, и у него каким-то воплем вырвался новый громкий оклик (Н. Гарин-Михайловский);

Начинался рассвет, и в комнатке уже не было того невидимого чужого, который так пугал Тетку (А. Чехов).

Иконическая последовательность глаголов может придавать излагаемой цепи событий и значение результата, обычно связанного с причинностью:

Я бегаю, вытаскиваю из воды детские кораблики, прыгаю через их

песочные постройки, и весь берег меня знает (Саша Черный).

2. Вторым значением союза И можно назвать “**присоединительность**”. Отличить это значение от первого довольно несложно, так как в этом случае при опускании части, вводимой через И, вторая часть остается самодостаточной. Например,

Он мог еще двадцать лет ездить по морю, и я уверен, что не встретит ничего подобного (И. Шмелев);

Это крикнул Иван Иванович, и крик его был не болтливый и убедительный, как обыкновенно, а какой-то дикий и пронзительный (А. Чехов).

VII. Пересечения семантики союзов: несовпадения или синонимия?

1. Не приводя примеров снова, повторим те значения каждого из трех союзов, которые можно назвать индивидуальными, характерными т о л ь к о для этого союза, а не для члена набора в целом.

Для И – это значение **присоединительности**.

Для А – значение **сопоставления**.

Для НО – значение “прекращения”, перечеркивания, связанное с фондом **пресуппозиции**.

2. Более сложными являются ситуации квазисовпадения семантических зон. Этих зон в основном мы можем назвать три:

1) зона контраста для А и НО;

2) зона “обманутого ожидания” для А и НО;

3) зона сосуществования в одном хронотопе для И и А.

Рассмотрим каждую из зон.

Зона контраста.

Клавдию Ивановну это смущало, (но, а) Славе туфли очень понравились. Оба предложения “правильны”, но с А предложение предполагает равенство матери и дочери в вопросе выбора туфель. НО в этом случае подразумевает, что дочь, до этого во всем слушавшаяся мать, не должна была тут покориться.

Все затыкают уши, (а, но) я не могу. Введение НО перечеркивает возникшую дополнительную семантическую строку (деонтологическую пресуппозицию), что “Я” должен быть, как все люди.

Ей дано искать, (а, но) мы будем чай пить. При А предполагается некоторое равновесие вещей, “каждому свое”. *Ей дано искать, но мы будем чай пить* – здесь возникает идея, что и “мы” могли бы искать вместе с собакой, но мы этого делать не будем.

Таким образом, контраст с НО предполагает наличие некоторого дополнительного предписания поведения, того, как нужно было поступать. Союз же А сопоставляет и противопоставляет события и как данности, и как факты.

Зона “обманутого ожидания”.

Рассмотрим два примера из упоминавшейся книги Н. Н. Розановой и М. В. Китайгородской “Русский речевой портрет”.

а. Рассказ Т. Г. Винокур о том, как бабушка ее мужа приехала в Москву на заработки:

В одиннадцать лет / отправлена в Москву на заработки // А попала она / как это называлось/ в общем / такую белошвейчную / к белошвейке//. Из текста следует, что поиски заработка в Москве оправдались примерно так, как она и предполагала. Заменяем союз А на НО в этом примере:

В одиннадцать лет / отправлена в Москву на заработки // Но попала она / как это называлось/ в общем / такую белошвейчную / к белошвейке//. Союз НО явно обозначает несоответствие результата ожидаемому в гораздо более крупных масштабах, чем при А. Однако неясно, в какую сторону пошло несовпадение ожидаемому: попасть в белошвейчную – это выше предела мечтаний или, напротив, в белошвейной много было заработать нельзя.

б. *Рост у меня/ я считаю/ ничего // А вот вес мог бы быть и поменьше.* Сравним – *Рост у меня/ я считаю/ ничего // Но вот вес мог бы быть и поменьше.* Можно сказать также, что в первом случае говорящая рассчитывала бы на примерное соответствие веса росту, и все. В примере с НО в тексте как бы просвечивает некое третье, нереализованное, событие: говорящая чего-то хотела бы: стать фотомodelью? кому-то понравиться? но вот вес мешает. Таким образом, горизонт ожидания при НО отличается и количественно – он как бы превышает ожидание, и качественно – может реализоваться событие иного сорта, иного типа, чем ожидалось.

Зона сосуществования в одном хронотопе – для И и А.

Судя по нашим данным, замена И на А возможна во всех примерах, где выявляется сосуществование двух пропозициональных событий в пределах одного хронотопа. Однако – и это совершенно отчетливо – при И происходит как бы “отдаление камеры” от рассматриваемой ситуации: более дробные явления не изучаются раздельно, в сопоставлении, в перемещении кадра, а упор делается

на всю глобальную ситуацию в целом. Приведем примеры такого изменения и при замене А на И, и при замене И на А.

И<А:

Ствол у нее мохнатый, на манер войлока, а каждый лист такой большой, что нам с тобой укрыться впору → *Ствол у нее мохнатый, на манер войлока, и каждый лист такой большой, что нам с тобой укрыться впору.*

И<А:

На дороге в белой пыли валялся довольно большой недоеденный огрызок колбасы, а рядом с ним во всех направлениях отпечатались следы собачьих лап → *На дороге в белой пыли валялся довольно большой недоеденный огрызок колбасы, и рядом с ним во всех направлениях отпечатались следы собачьих лап.*

Его глаза упорно смотрели вниз на дорогу, а тонкие брови сердито сдвинулись вниз к переносью → *Его глаза упорно смотрели вниз на дорогу, и тонкие брови сердито сдвинулись вниз к переносью.*

А<И:

Люди спали, были беспомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила их → *Люди спали, были беспомощны и не страшны, а собака ревниво сторожила их.*

Интересно, что в некоторых случаях И не оказалось возможным заменить на А:

Небо качается, улица качается, и наш пол качается. Вероятно, это объясняется единством ситуации, заданным через идентичное для всех пропозиций сказуемое *качается*. Другой пример: *На террасе было пусто, и только платок матери одиноко валялся, забытый на скамейке.* Этот пример как бы противоположен предыдущему: платок матери выделен через *только* и потому не может быть сопоставлен ни с чем другим. Поэтому замены А и И очевидно возможны там, где есть равные субъекты и разные (не-идентичные) действия.

Итак, о полной функциональной синонимии союзов И, А, НО говорить нельзя, можно лишь обозначить зоны пересечения их семантики.

ЛИТЕРАТУРА

Гамкрелидзе–Иванов 1984: Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1. Тбилиси, 1984.

- Зализняк 1995: *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зализняк–Янин 1993: *Зализняк А.А., Янин В.Л.* Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- Мейе 1938: *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.–Л., 1938.
- Николаева 1985: *Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании. М., 1985.
- Структура предложения 1983: Структура предложения в истории восточнославянских языков. М., 1983.
- Фасмер: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987.
- ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н.Трубачева. М., 1974 –.
- Etymologický slovník 1980: *Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena.* Sv. 2. Praha, 1980.